УДК 821.161.1

Т.В. Головачева
(Россия, Самара)

ДИСКУРС В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИЙ М.М. БАХТИНА, Ю.С. СТЕПАНОВА И В.И. ТЮПЫ

В статье анализируется дискурсивная организация романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» с опорой на концепции Ю.С. Степанова («ментальный мир»), М.М. Бахтина («третий мир общения», архитектоника высказывания) и В.И. Тюпы (соотношение жанра и дискурса). Выявляются механизмы создания художественного пространства, где взаимодействуют разные эпохи и типы речи, с особым вниманием к типологии коммуникативных конвенций и компетенций (креативной, референтной, рецептивной) и их реализации в тексте.

Ключевые слова: *дискурс, «Лавр», Е.Г. Водолазкин, ментальный мир, третий мир общения, архитектоника, коммуникативные компетенции, коммуникативные конвенции, жанр, дискурсивные стратегии.*

Концепции Ю.С. Степанова [Степанов 2004] и М.М. Бахтина [Бахтин 1979] открывают продуктивные возможности для анализа художественного дискурса. Ю.С. Степанов определяет дискурс как использование языка, создающее особый «ментальный мир». Бахтин развивает идею «третьего мира общения», возникающего в процессе коммуникации, и различает композицию (формальную структуру) и архитектонику (конфигурацию коммуникативных позиций).

Важный вклад в понимание взаимосвязи жанра и дискурса вносит концепция В. И. Тюпы [Тюпа 2010; Тюпа 2011], согласно которой:

1) жанр представляет собой **инвариант** дискурса, фиксирующий устойчивые черты традиции;

2) дискурс выступает как **реализация** жанрового инварианта в конкретном коммуникативном событии;

3) жанровая форма задает «типическую концепцию адресата» и определяет правила взаимодействия участников коммуникации.

Цель статьи – показать, как эти теоретические положения применимы к анализу романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина. Актуальность ис-

следования обусловлена необходимостью осмысления способов организации художественного пространства в современной прозе, где размываются границы между эпохами и типами речи.

Рассмотрим типологию коммуникативных конвенций и реализацию компетенций в романе «Лавр».

Коммуникативные конвенции – негласные правила взаимодействия в рамках определенного типа дискурса. В «Лавре» [Водолазкин 2016] они многообразны и отражают разные типы сознания: религиозное, бытовое, философское, современное. Их взаимодействие создает эффект «ментального мира», выходящего за рамки линейного времени.

В романе выделяются следующие **типы коммуникативных конвенций**:

1. **Религиозно-литургические** проявляются через церковнославянизмы (*«старче»*, *«схима»*, *«покаяние»*), молитвенные формулы, ритуальность диалогов и сакральную иерархию говорящего и слушающего. Например, в сцене благословения перед принятием схимы (*«Готовься, Амвросие, сего лета приимеши схиму»* [Водолазкин 2016: 287] соблюдаются все признаки религиозного ритуала: формализованная речь, четкая позиция наставника и послушника. Это соответствует **житийному жанру** как инварианту религиозного дискурса [Тюпа 2011: 39].

2. **Средневеково-бытовые** включают просторечия, элементы устного народного творчества, практические описания (лечение травами, роды) и диалоги с суевериями. Например, разговоры Лавра с крестьянами о причинах голода строятся на обмене практическими знаниями [Водолазкин 2016: 145]. Здесь реализуется **бытовой дискурс**, опирающийся на традицию народной культуры.

3. **Философско-экзистенциальные** выражаются через генеритивные высказывания о природе времени, жизни и смерти, диалоги с элементами спора и апелляцию к универсальным истинам. Яркий пример – рассуждения Амброджо: *«Исчерпывается не время, но явление. Поэт гибнет в 37 лет, и люди начинают рассуждать, что бы он мог еще написать. А он, может быть, уже состоялся и всего себя выразил»* [Водолазкин 2016: 312]. Это отражает **философский дискурс** в его жанровой модификации – диалоге-рефлексии [Тюпа 2011: 42].

4. **Современные** конвенции включают цитаты из XX века (Экзюпери), элементы канцелярского языка (*«в отношении конца света мы более или менее спокойны»* [Водолазкин 2016: 298]) и разговорные реплики (*«Кошмар»* в речи Лавра [Водолазкин 2016: 167]); не характерная для повествования XV века фраза *«Мы в ответе за тех, кого приручили»* используется как стилистический анахронизм (цитата из

Экзюпери), ее произносит дед Христофор, поглаживая волка, что в средневековом контексте нарушает хронологическую логику, создавая эффект «вневременности». Это демонстрирует **интердискурсивность** – включение элементов современного дискурса в средневековую жанровую рамку [Тюпа 2010: 81].

Коммуникативные компетенции в романе реализуются следующим образом:

1. **Креативная (субъектно-авторская)** компетенция проявляется в замысле и стратегии автора: создании «ментального мира» со смешением эпох, организации диалога между разными типами дискурсов, использовании жанрового синтеза (житие + роман + хроника) и вовлечении читателя в роль активного интерпретатора. Например, спиральная модель времени (*«Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали»* [Водолазкин 20016: 301]) и смена имен героя (*Арсений → Устин → Амвросий → Лавр* [Водолазкин 2016: 45–390]) как маркер духовного пути. Здесь автор реализует **дискурсивную стратегию гибридности**, соединяя жанровые традиции [Тюпа 2010: 49].

2. **Референтная (объектно-геройная)** компетенция отражается в эволюции речи Лавра (от бытовой к сакральной), смене его коммуникативных ролей (ученик → наставник → святой) и взаимодействии с разными типами сознания. В диалоге с кузнецом Аверкием о сожжении Анастасии (*«Это говорит о том, что в ваших головах мрак»* [Тюпа 2011: 189]) Лавр выступает как проповедник, обличающий тьму в умах. В сценах исцеления он сочетает народную медицину и молитву [Водолазкин 2016: 112], а в финале его речь становится лаконичной и символичной [Водолазкин 2016: 395]. Это соответствует **жанровой динамике** образа: от бытового персонажа к святому [Тюпа 2011: 42].

3. **Рецептивная (адресатно-читательская)** компетенция требует от читателя распознавания отсылок (Экзюпери, Пушкин), понимания церковнославянской лексики, осмысления спиральной модели времени и активного «декодирования» текста. Читатель должен соотнести цитату из Экзюпери с христианской этикой [Водолазкин 2016: 215], увидеть связь между сценами родов в начале [Водолазкин 2016: 56] и конце романа [Водолазкин 2016: 388] как символ искупления и понять, что смена имен героя отражает его духовное становление [Водолазкин 2016: 45-390]. По Тюпе, это формирует **«типическую концепцию адресата»** – читателя, способного к диалогу с разными дискурсами [Тюпа 2010: 200].

Взаимодействие конвенций и компетенций выделяется в ключевых сценах. В диалоге Лавра и кузнеца Аверкия сталкиваются средневе-

ково-бытовая (суеверия) и религиозно-литургическая (обличение греха) конвенции. Автор создает конфликт между народным сознанием и христианским учением. Лавр выступает как проповедник, читатель понимает, что голод – следствие духовной слепоты, а не наказания за грех одной женщины [Водолазкин 2016: 188-189].

В рассуждениях Амброджо о времени доминирует философско-экзистенциальная конвенция: автор вводит отсылку к Пушкину для связи эпох [Водолазкин 2016: 312], Амброджо формулирует истину о завершении явлений, а читатель осмысливает концепцию времени как спирали [Водолазкин 2016: 301]. В сцене принятия схимы действует религиозно-литургическая конвенция: автор завершает духовный путь героя через сакральный обряд [Водолазкин 2016: 287], Лавр принимает роль святого, а читатель воспринимает финал как акт преображения [Водолазкин 2016: 395].

Анализ романа «Лавр» через призму коммуникативных конвенций и компетенций показывает, что дискурс здесь – сложная система взаимодействия стратегий. Конвенции задают правила игры (религиозные, бытовые, философские, современные), а компетенции определяют роли участников: автор организует диалог эпох, герой эволюционирует от бытового общения к сакральному слову, а читатель, обладая знаниями из разных областей, раскрывает многоуровневость текста. Границы дискурсов подвижны и возникают на стыке конвенций, компетенций и ролей, подчеркивая универсальность человеческого опыта.

Опираясь на концепцию В. И. Тюпы [Тюпа 2010; Тюпа 2011], можно утверждать, что «Лавр» представляет собой **гибридный дискурс**, где:

1) жанровый инвариант жития трансформируется через включение современных элементов;

2) коммуникативные стратегии автора создают условия для «со-бытия индивидуальных ментальностей» (читателя и текста);

3) рецептивная компетенция читателя становится ключевым фактором интерпретации.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением аналогичных механизмов в других произведениях современной русской прозы.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.

2. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академи-

ческий Проект, 2004. – 992 с.
3. Тюпа В.И. Жанр и дискурс // Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 38-48.
4. Тюпа В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. – М.: Языки славянскойкультуры, 2010. – 320 с.
5. Водолазкин Е.Г. Лавр. – М.: АСТ, 2016. – 440 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

T.V. Golovacheva
(Russia, Samara)

DISCOURSE IN E.G. VODOLAZKIN'S NOVEL «LAVR» THROUGH THE LENS OF M.M. BAKHTIN'S, YU.S. STEPANOV'S AND V.I. TYUPA'S CONCEPTS

The article analyses the discursive organisation of E.G. Vodolazkin's novel «Lavr», drawing on the concepts of Yu.S. Stepanov («mental world»), M.M. Bakhtin («third world of communication», architectonics of utterance) and V.I. Tyupa (relationship between genre and discourse). The study identifies the mechanisms for creating an artistic space where different epochs and types of speech interact, with particular attention to the typology of communicative conventions and competencies (creative, referential, receptive) and their realisation in the text.

Keywords: *discourse, «Lavr», E. G. Vodolazkin, mental world, third world of communication, architectonics, communicative competencies, communicative conventions, genre, discursive strategies.*